

Людмила Улицкая и Дмитрий Шалин

Из автобиографических диалогов

From Dialogues on Autobiography

20.02.2021

Дорогой Дима! Вот отрывок из моего дневника 2017 г. Только сами сократите пожалуйста! Ваша ЛУ

20.02.21

Люда,

Спасибо за замечательный материал – прочел на одном дыхании. Не хотелось бы его сокращать, делать нарезки, а печатать весь текст в рамках подборки, связанной с *Энциклопедией юности* может не получиться. Главным образом из-за отведенного листажа и числа участников обсуждения. Свяжусь с редакцией, узнаю про возможность увеличить общий объем материала, а пока хочу вас расспросить об альтернативных вариантах-форматах публикации.

В автобиографической части ваших дневников вы касаетесь близких мне вещей – выбора судьбы, неизбранной стезе, путешествии как виртуальном освоении непржитых миров... По ходу чтения у меня возникло желание написать комментарий к вашему мемуару, вроде того, что я сделал в связи с автобиографической прозой Эпштейна-Юрьенена. Не знаю, понравится ли вам эта идея. Если мои заметки придутся не ко двору, их можно отложить в сторону и печатать ваш мемуар отдельно. Тем не менее, дайте знать, если такой вариант вам не представляется абсурдным.

Есть и другие варианты. Я прилагаю к сему посланию выдержки из моей *переписки с Мишей Эпштейном*, опубликованные в его юбилейном сборнике, как пример еще одного формата публикации. Если у вас возникнет желание обменяться со мной мнениями по мемуарно-автобиографическим вопросам интересных вам и мне, то можно было бы подумать и о таком формате.

А что касается обсуждения *Энциклопедии*, то, может быть, вы напишете отдельно несколько страниц/параграфов по этому случаю. А нет, так нет.

Так или иначе, будем печатать ваши дневники.

Всегда ваш, Дима

20.02.21

Ох, Дима! Стрела попала в цель! И в какую! Вчера я прилетела из недельной поездки в Египет – паломничеством к умершей смерти я бы назвала эту поездку. Сегодня день моего рождения – мне исполнилось 78 лет, и это нарушило концепцию моей жизни, в которой 77 лет я назначила последним годом. И промахнулась! Теперь приходится на ходу менять проект! И связан он с дневниками, которые веду много десятилетий. Текст, который я вам прислала – его маленький фрагмент. Я собрала из дневников – не могу сказать книгу – скорее файл, который называется “Двадцать месяцев”, откуда посланный вам фрагмент. Что делать с этим корпусом текстов – не знаю. Я договорилась с моей подругой и лит. агентом Юлей Добровольской, что все завещаю ей, и пусть поступает как сочтет нужным и как сложатся обстоятельства, скорее пейзаж... Возможно, вы и есть фигура в этом пейзаже...

Я в ужасе и в восторге от бездонности жизни. Вчера вечером улеглась после тяжелого перелета и слушала М.В. Юдину – и всплыл эпизод с ней, который на моих глазах развернулся в начале 70-х. Читаю ваше письмо с упоминанием Венички Ерофеева – и снова картинка одного забавнейшего вечера, когда я его, пьяного, тащила на вокзал от Котрелевых, а муж мой, великий, между прочим, художник, который мужем тогда не был, пришел в ярость, истолковав мой уход с Венечкой в духе нашей шальной молодости... Но текст пригодный для вашего проекта у меня действительно есть. Поищу и пришлю. Суть его в том, что человек представляет собой текст, записанный последовательностью букв-нуклеотидов, составляющих индивидуальную последовательность ДНК каждого человека, а все написанное человеком является текстом ВТОРОГО ПОРЯДКА, то есть текст, произведенный текстом. Замечу, что по образованию я генетик и знаю, что

говоря. Если я этот текст найду, то пришлю, потому что мне кажется, что он вам пригодится. Ваша Л.У

20.02.21

нашла:

СЛОВО, ТЕКСТ

“В начале было Слово...” – это первые слова Евангелия от Иоанна. А какое это было слово – устное или письменное? Я смею предположить, что слово это было записано химическими формулами.

Текст всеобъемлющ и многогранен. Первые тексты были биологические – сама Природа, создавая живые существа, записывала их свойства химическим алфавитом ДНК. Этот алфавит в 1953-м году человек сумел прочитать. Таким образом, первые письмена жизни не были буквенными текстами, первые письмена писались химическими соединениями. Оказалось, что все живое представляет собой запись, своего рода шифровку, которая разворачивается в инфузорию, в крысу, слона и человека. И человек являет собой сложнейший, лишь частично прочитанный текст. Вдумайтесь – это величайшее чудо жизни: прочтение человеком текста, которым записаны его качества физические и умственные.

Возможно, человек не самое лучшее произведение Природы, но оно уникальное. И уникальность его заключается прежде всего в том, что человек научился производить собственные тексты. В каком-то смысле, производимые человеком тексты – второго порядка. А как еще их можно назвать, эти тексты, от первых знаков, нацарапанных обломком камня на стене пещеры до шедевров Данте, Шекспира, Пушкина?

Владимир Иванович Вернадский, великий российский ученый, стоял у истоков великого открытия ноосферы. Если биосфера – совокупность всех живых существ, от инфузории-туфельки до человека, то ноосфера – хранилище всех мыслей, обращенных в тексты, всего интеллектуального богатства, созданного за 200

тысяч лет существования человека. Это главный продукт деятельности человека, осознание мира глазами человека.

Человеческая культура, сохраняемая текстами, нотными знаками, графикой и живописью – великая запись Творения, если угодно, дневник Господа Бога. Но пишут его люди, и не обязательно люди гениальные. Даже самый заурядный человек, записывая свои повседневные мысли и дела, оказывается участником и творцом уникальной человеческой культуры.

Первые каракули ребенка и высочайшие шедевры поэзии – все это тексты, создающие человеческую культуру. Мы, люди, созидаем культуру, а она созирует нас.

20.02.21

Люда,

Я уже несколько лет внимательно слежу за исследованиями в нейробиологии и эпигенетике. Напечатал несколько статей об открытиях в этой области и их значении для социологии и социальной психологии (все по-английски, а то бы переслал вам, но их можно найти на [странице моих публикаций](#)). Вот какие неожиданные переключки.

Планы, к счастью, не всегда сбываются. Вы загадывали на 77, не угадали. Сколько запрограммировано в вашем биокультурном геноипе никто не знает. Возможны сюрпризы, открытия – в музыке, в людях, в творчестве.

Раз уж так сложилась судьба, почему бы вам не заняться своим эпистолярием, дневниками? Как следует из ваших выкладок о знаках-текстах – генетических и прочих, в них закодирована не только ваша личная судьба, но и эпоха.

Уверен, что Юлия Добровольская справится с задачей. Найдет компетентных редакторов, когда придет время. Подыщет издателей, все напечатает. Но это будет наследие другого рода, чем то, на которое вы могли бы сподвинуться.

Не знаю, впишусь ли я в сей пейзаж, но этого нельзя исключать. Мы почти ровесники (я родился в Питере в 47-м). Вы раздумывали об эмиграции, я решил на это шаг. Склонность к рефлексии определенного рода у нас налицо. И музыкальные склонности, похоже, во многом сходятся.

Давайте сделаем тест, который поможет решить, стоит ли нам сотрудничать в подготовке к публикации ваших (и моих) записей/воспоминаний.

Ниже прилагаю сноски на свое карантинное искусство – оцифрованные и выложенные в интернете записи любимых музыкантов, пропущенные через фильтр моих аффективных пристрастий (чтобы услышать записи, нужно ввести пароль: cdclvsd). Если эти компиляции вам что-то говорят, то в нашем биокультурном генотипе есть переклички.

Ваш, Дима

Chopin's Introspection 165

Scarlatti's Lucidity 119

Monteverdi's Madrigals 21

Arvo's Prayer 55

20.02.21

Дорогой Дима! Спасибо за подарок! Это лучший вид подарков – места не занимает, не думаешь, кому бы передарить и всегда с тобой! Спасибо! Люся

23.02.21

Arvo's Prayer – неизвестный мне автор, прекрасно. В остальном – полное попадание!

23.02.21

Люда,

Arvo Pärt – эстонский композитор. Это выдержки из его *Fratres* (1977). Действительно, необыкновенная музыка.

Возникнет желание услышать что-то еще из моих подборок, сообщите и я пришлю сноски.

Читаю *Священный мусор* (спасибо за подарок), делаю записки и выписки, а в голове крутится строка из ненаписанного стихотворения:

“И судьбы близких примеряя на себя, воспоминаний некролог я бережно слагаю”

Сегодня у меня семинар по классической теории для аспирантов; когда освобожусь, поделюсь соображениями о возможном диалоге через океан.

Ваш, Дима

23.02.21

Дима, да я Пярта давно знаю, слушаю. Просто я не поняла, что речь идет именно о нем. И не узнала ухом, потому что ухо мое довольно тупо. Ему надо долго вдалбливать, чтобы оно запомнило. А сегодня собрались идти на концерт Владимира Мартынова – тоже, конечно, знаете, но он позвонил, и сказал, что билетов для нас нет, из-за карантина сократили количество мест. Пойдем завтра. Однако признаюсь, что у меня есть главный композитор, которого слушаю почти ежедневно, думаю, легко догадаетесь, кто он.

После *Священного мусора* еще вышла книжка *Бумажный театр*.

23.02.21

Люда,

Я провел более сотни интервью, главным образом с социологами. Из них десятка три с россиянами – Галина Старовойтова, Юрий Левада, Борис Грушин, Виктор Шейнис, Василий Селюнин, Мариетта Чудакова. Моя переписка и четыре интервью с Игорем Семеновичем Коном, моим университетским учителем, пожалуй, наиболее характерный образец. Эти материалы по большей части опубликованы в журналах и размещены в разделе “*Интернациональная биографическая инициатива*” Центра дем культуры.

Вообще жанр интервью односторонен, мне ближе диалог, разговор, беседа. Или “интервуар” – смесь интервью и мемуара, где один жанр переливается в другой, документы приобщаются к делу вместе с комментариями, мемуарные материалы перемежаются с эссе по поводу и без.

Мы могли бы начать диалог по имейлу, неспеша и под настроение. Увидим, как он пойдет и пойдет ли. У меня есть к вам вопросы, связанные с вашими автобиографическими заметками и литературными опусами (меня, в частности, интересует их пересечение). Буду рад ответить на ваши вопросы, если такие появятся. Бестактные/неинтересные вопросы нужно игнорировать. Ранее сделанные комментарии можно редактировать, изымать, дополнять. По ходу дела следует делать ссылки на письма, дневники, записи – уже опубликованные или выложенные с обоюдного согласия в интернете. Хотелось бы поработать с вашими дневниковыми записями вошедшими в “Двадцать месяцев”. Это важный ресурс для понимания пробуждающегося самосознания и триангуляции событийно/нарративной траектории жизни.

Наш диалог без взаимного решения не стоит никому показывать. А когда и если возникнет желание что-то опубликовать из этих диалогов, то сделать это, я думаю, будет не очень сложно – в России, в Америке, еще где-то. У Центра дем культуры есть свое онлайн-издательство, и там всегда можно разместить материалы слишком объемные или неудобоваримые для других платформ.

Вот пример вопросов, которые у меня возникли при чтении *Священного мусора*.

Возможно, это проекция, но тема эмиграции, альтернативной судьбы – *unclaimed fortune* – одна из сквозных в вашем жизненном опусе. Маша уехала в Германию, Люда переселилась в Италию, Горбаневская во французском галуте, Аронич – лягушка путешественница, и вот напрямую: “сказала бы Г.М. ‘да’, вышла за него замуж и уехала в НЙ в 85-м году. И гуляла бы не по Гайд Парку, а по Сентрал Парку...” Между тем, применительно к себе

вопрос об эмиграции и решении вы не обсуждаете. На него скорей всего есть ответ в других работах (к сожалению, здесь могу достать только переводы ваших книг). Когда зародилась мысль о возможном исходе, менялось ли отношение к перспективе все оставить и переселиться в мир иной, что повлияло на окончательное решение, и такое уж оно окончательное?

Я давно обратил внимание на то, что, когда пишем о людях нам соприродным, мы наделяем их качествами, которые ощущаем в себе или которые хотели бы видеть в собственной натуре. Когда я писал [некролог Володи Шляпентоха](#), коллеги социолога, я перечитал его собственные некрологи, написанные на смерть его друзей и коллег, и убедился, что это во многом так. Набоков – ученый и писатель, гений самостояния и самоконтроля, человек, не приемлющий российского разгильдяйства и религиозно-политической истерики, и гуляет он как кот сам по себе. Во всяком случае, так он видится вам как биологу и литератору. Это вы про себя? Если да, то есть ли у Набокова-человека (и писателя) черты, которые вы отмечаете в себе с удовлетворением, с сожалением, еще как-то?

“Все живое представляет собой запись, своего рода шифровку”, пишете вы. “И человек являет собой сложнейший, лишь частично прочитанный текст”. Тема биокультурного генотипа, человеческой породы, предначертанности судьбы – еще одна константа в ваших работах. А как быть со случайностью и хаосом бытия? Эпигенетика указывает на механизмы индивидуального (и группового) развития, которые обуславливают фенотип помимо и вопреки генного кода. Как примирить свободу воли и творчества с всезакодированностью жизни?

Есть еще много вопросов, но день на исходе, я измотался и заканчиваю свое послание.

О Владимире Мартынове в другой раз. Что касается вашего самого любимого композитора, вот два варианта: (1) Моцарт, (2) Бах.

Ваш, Дима

24.02.21

Дорогой Дима! Я готова отвечать на ваши вопросы. Диалог – замечательная форма общения. Это еще Платон заметил. Что касается “триангуляции событийно/нарративной траектории жизни” – мне хотелось бы обойтись в нашем общении без этой терминологии.

Ваша Л.У

24.02.21

Люда,

Обойдемся без триангуляции. Что касается Платона, то его диалоги не лучшая модель беседы-разговора. Там один автор раздает реплики всем участникам, причем его оппонентам достаются не самые убедительные доводы. У Горгия и Протагора была более интересная аргументация, чем та, которую им приписывал Платон. Судя по альтернативным источникам (например, у Аристоксена), исторический Сократ фигура более многогранная и интересная, чем его портрет в платоновских диалогах.

Я собрал нашу переписку как она сложилась к сегодняшнему дню (см. под скрепкой). Что-то вроде предисловия к возможному диалогу. Исправил какие-то опечатки, добавил сноски на цитируемые материалы. Посмотрите, подправьте. Может быть, возникнут идеи как сделать подборку наших разговоров.

Ваш, Дима

П.С. В своих письмах я обращаюсь к “Люде”, вы подписываетесь “Люся” – как правильно?

25.02.21

Люся меня все зовут. Дайте еще пару дней, а то вдруг много работы образовалась, да еще и лондонского внука подбросили.
Люся

25.02.21

Люся,

Внуки, дети, семья прежде всего. У нас нет дедлайна. Появится время и настроение – вернемся к диалогу.

Дима

08.04.21

АВТОБИОГРАФИЯ ДЛЯ ШАЛИНА

Начальная точка автобиографии – длинный половик в виде дорожки, по которой я неуверенно и целеустремленно иду вслед за большим мячом, который катится передо мной по направлению к цели, тонконогой конической этажерке с книжками. Сегодня эту первую сохранившуюся в памяти годовалого ребенка картинку можно интерпретировать двояко: можно рассматривать ее как знак будущей писательской биографии, а можно представить ее как могильный памятник, завершение многих удачных жизней людей, избежавших газовой камеры.

Следующая ранняя картинка – я сижу на стуле, изображая Людмилу, которой я и являюсь на самом деле, а вокруг меня изображают битву Руслана и Черномора два пятилетних молодых человека. Один из них, Саша Хелемский, был моим первым и пожизненным другом. Он профессор математики, сейчас находится в Греции. Привет, Саша!

Потом начался двор – первый опыт социальной жизни, который я прошла вполне удовлетворительно. Особенно если вспомнить, что в 1953-м году в стране, после высылки десяти разных народностей из Крыма и других мест, дошла очередь до евреев, и, как говорят, теплушки для московских евреев уже были готовы к приему пассажиров и стояли на запасных путях. Я во дворе дралась, защищая право быть тем, кем я родилась.

Школа не оставила ярких воспоминаний. Лучший эпизод относится опять-таки к 1953-му году. Учительница младших классов, пожилая женщина с седеньким пучком и брошечкой на воротнике, Антонина Владимировна Богданова, с указкой в руке подошла к огромному, во всю стену плакату, на котором изображена была костюмированная “Дружба народов” в момент первомайской демонстрации.

“Смотрите, дети – сказала эта великая женщина, – мы живем в многонациональной стране! Вот видите, украинка, узбек, белорус, грузин – все народы в нашей стране равны. Здесь есть евреи и татары. Нет народов плохих и хороших, но есть отдельные люди, которые могут быть и хорошими, и плохими.”

Пять еврейских девочек в классе побагровели и опустили голову, покраснела также и татарка. Это был первый урок социализации.

Да, биография. Закончила школу в 1960-м с твердым намерением поступать на биофак. Мне не сразу это удалось – пришлось два года поработать в гистологической лаборатории, набирая рабочий стаж. Это – написанный спустя лет пятьдесят роман *Казус Кукоцкого*.

Закончила биофак в 1967-м году по специальности “генетика”. С генетикой я рассталась через два года – меня выгнали за самиздат из Института Общей Генетики. Но если бы я сегодня снова выбирала профессию, я бы снова выбрала этот основополагающий предмет – человеческое исследование самого себя. Нет ничего важнее и увлекательнее. Это новый смысл древней и неразрешенной философской задачи – “Познай самого себя”.

Следующее десятилетие было потрачено на браки, разводы и рождение двух сыновей. У меня два сына, Алексей и Петр и четыре-пять внуков. Про старшую внучку мне трудно утверждать что бы то ни было: она дочка жены моего младшего сына, я и сама не знаю, числит ли она меня бабушкой. Очень талантливая, даже мощная, я бы сказала девушка. Живет сейчас в Китае с канадцем-мужем и завела там бизнес.

А что? Это ведь тоже моя биография!

Замужем я была трижды. Мой последний муж, с которым мы прекрасно и разнообразно провели сорок четыре года – художник Андрей Красулин. Андрей – очень важная часть моей жизни. Думаю, никакого писателя из меня бы не получилось, если бы рядом не стоял человек такого творческого наполнения, рядом с которым “веники расцветают”. Что говорить, он “высший класс”!

Мне 78 лет. Биография идет к концу. Не могу сказать, что меня это огорчает. Картинки, которые были мне показаны за это время, замечательные. Люди, которых мне послала судьба, лучшие из лучших.

На днях была на Введенском кладбище. Там похоронена с довоенных времен начиная вся моя семья. Андрей поставил там довольно большой лаконичный камень, без всяких излишеств. Там есть место и для меня. Можно уже выбить буквы “Людмила Улицкая 1943 - ”

И пробел для цифры, которую выбьют, когда настанет час.

14-18.04.21
Люся,

Спасибо за автобиографическую заставку к нашему разговору, задающую общую схему жизни, детали которой щедро разбросаны по страницам ваших книг – *Священный мусор*, *Бумажный Театр*, *Поэтка*. Помимо мемуарной прозы, я прочел несколько романов, повестей и рассказов – *Казус Кукоцкого*, *Зеленый шатер*, *Веселые похороны*, *Первые и последние*, *Сквозная линия*, *Конец сюжетов*, *О теле души*. Сейчас читаю *Искренне Ваш*, *Шурик*, а на очереди еще книг десять, из числа тех, что удалось разыскать и купить.

Пьеса Чао, ЧАУ!, где вы с любовью и иронией рассказываете о русском космизме, навела на мысль, что ваш жизненный проект сродни фёдоровскому. Вы не воскрешаете мертвых, но возрождаете в памяти полу/забытых людей и делаете это с такой животворной симпатией, что они обретают своего рода бессмертие. Развертывается двойная спираль жизни, и каждый новый виток судьбы декодирует время, эпоху, и – кодировщика.

Еще одна мысль вертелась в голове по ходу чтения вашего оeuvre – не зря ли я отрываю вас от дела? В вашей художественной прозе можно найти множество интеллектуальных откровений и биографических сюжетов, сопоставимых с жизненными коллизиями. Там можно найти ответы на какие-то из моих вопросов, пусть не всегда в интересующем меня ракурсе.

Бумажный театр с его непрозой – образец того, как можно публиковать дневниковые и эпистолярные материалы с ретроспективными комментариями. Где-то вы пишете, что уже дали сотни две интервью – вряд ли имеет смысл добавлять двести первое к этому списку.

Разговорный формат мог бы расширить круг привычных тем, вывести нас к менее заезженным сюжетам. Но совсем не факт, что диалог у нас завяжется и его участники захотят его поддерживать. По правилам игры, каждый из нас может в любой момент сказать: “Мне чурики” и отложить диалог до лучших времен. Когда появится время и настроение, можно вернуться к разговору. А если по причинам, от нас независящих и прочим, этого не произойдет, ну, значит не судьба.

Посмотрим, как сложится ситуация. А пока несколько соображений-вопросов, возникших в ходе чтения ваших работ.

В *Священном мусоре* вы вспоминаете, как вам “попала книга совершенно неизвестного писателя Владимира Набокова – *Приглашение на казнь*. Я испытала ощущение встречи с абсолютно новым миром. Я не знала, что такое бывает. Так произошло первое соприкосновение с современной литературой”. Там же вы упоминаете *Отцовские бабочки* Набокова, блистательно идиосинкразический текст, который и мне помог понять, почему вы нашли в этом человеке родственную душу. Россия как terra incognita, предмет исследования ученого и поэта, лепидоптеролога способного разглядеть то, что у всех под носом, но что остается незамеченным:

Такого рода атласы бабочек русских, т. е. более или менее сообразные со степенью развития лепидоптерологии в конце девятнадцатого века, не выпускались вовсе, а так как ввиду изложенных причин и условий толстейшие шметтерлингбухи не вмещали России, она оставалась неведомой и незаметной страной, безнадежным пробелом, что, кстати сказать, отзывалось роковым образом на

попытках иных монографистов изучить истинную связь между палеарктическими формами.

И вы исследуете “лепидоптерологическую фауну” Российской империи, делая это со скрупулёзностью естествоиспытателя, наделенного талантом сказителя. Ракурс у вас несколько иной – вы подходите к делу как биолог и генетик. Отсюда заостренное внимание к наследственно-историческим корням рода и видовым вариациям родных сердцу “чешуекрылых”.

В *Отцовских бабочках* я обратил внимание на пассаж, где Владимир Набоков привязывает собственную стилистику к риторике родителя:

Я вдруг узнаю в слогe моего отца истоки собственной прозы: брезгливость к замазке и размазыванию, взаимная приспособляемость мысли и слова, геометридно-гусеничное продвижение фразы – и даже зачатки моих скобок. К этим чертам следует еще добавить благосклонность моего отца к точке с запятой (часто – перед союзом, что находится, верно, в связи с языком его университетских наставников, “that scholarly pause”, отголосок неторопливой английской логики, – но вместе с тем родственно столь ценимому им Монтеню); и я не думаю, чтобы развитие этих черт под моим часто вычурным пером было актом сознательной воли.

На [Четвертой конференции по русской культуре](#) вы рассказали, как, открыв письма деда столетней давности, убедились “в какой-то степени мы несем в себе наших предков. Четверть дедов моего деда – во мне, до незначительных жестов и движений” (см. [видеозапись сессии по автобиографии](#) с 35-й минуты). И у меня с этим наблюдением связаны воспоминания.

На третьем курсе философского факультета ЛГУ я со своим приятелем Юрой Шором организовал [Малый философский факультет](#) и сочинил [приглашение ученикам](#) выпускных классов Ленинграда записываться на занятия. Тогда же моя мать, [Евгения Гутман](#), показала мне записку об открытии музыкального клуба при Выборгском дворце культуры, написанную вскоре после окончания войны моим отцом. Меня ошеломил этот документ –

интонация, структура текста, пристрастие к перечням, стилистика и синтаксис столь характерная для отца бессознательно воспроизводились в моем обращении. От него же, со слов мамы, я унаследовал музыкальные способности, тягу к сочинительству, и какие-то менее симпатичные черты. Я никогда не видел своего биологического отца, артиста театра и кино [Леонида Погорелова](#) (он исчез из поля зрения до моего рождения), но моя склонность сочинять музыку, организовывать конференции и редактировать коллективные сборники – совсем не свойственная моей матери – явно от него. Все, что осталось от отца – это [фотография](#) с короткой биографической справкой на обороте.

Итак, тяга к научному познанию у вас от предков, прежде всего от отца и матери, как и стремление выразить себя в слове: “Мое писательство произошло, с одной стороны, на пустом месте, с другой – на месте, унавоженном моими предками. Прабабка писала стихи, бабушка – очерки в газету *Гудок* и еще кое-куда, дедушка, несмотря на многолетний лагерный срок, — автор трех работ в очень разных областях: от демографии до музыки. А папина книга *Мой друг автомобиль* о том, как надо починять карбюраторы и прочие организмы машины, лежа под ней на старой телогрейке, стоит где-то на полке. Так что генетика налицо”.

У меня по этому сюжету несколько вопросов.

ДШ 1а. От кого из ваших предков вы унаследовали эмоциональный настрой, свойства характера, чувственность?

ДШ 1б. Сохранились ли документы и достоверные факты, указывающие на семейное сходство такого рода?

ДШ 1в. И какие ваши черты не имеют очевидного прототипа?

В автобиографическом эссе читаю, “Закончила школу в 1960-м с твердым намерением поступать на биофак. Мне не сразу это удалось – пришлось два года поработать в гистологической

лаборатории, набирая рабочий стаж. Это – написанный спустя лет пятьдесят роман *Казус Кукоцкого*”.

Не только в *Казусе*, добавлю от себя. Образ молодого биолога-ученого, набирающегося опыта в лаборатории, у вас сквозной, как и мотив ухода в гуманитарную сферу. Этот судьбоносный сюжет развернут в самой биографической из ваших книг, *Священный мусор*, в разделе с многозначительным названием ‘Благодарственное слово крысе’:

“Ученая дама приподняла марлевую салфетку с лотка — в нем шевелилось несколько новорожденных крысят...

— Крыски мои, — проворковала ученая дама, взяла живого крысенка двумя пальцами, погладила по еле заметной хребтинке другими ножницами, покрупнее, лежащими слева от лотка, точно и аккуратно отрезала головку. Слегка вздрогнувшее тело, ненужный остаток, она сбросила обратно в лоток, а головку любовно уложила на предметное стекло. После чего испытующе посмотрела на меня и спросила с оттенком странной гордости:

— Так можешь?

Господи, Господи, Господи... Каким только испытаниям Ты нас не подвергаешь! И Авраам положил сына своего на жертвенник и вознес нож, но Ангел Господень остановил его руку... Как изменились меры и весы... Но каждый из тех, кто совершает это движение, бывает спрошен в некий единственный миг: можешь?

— Могу, — сказала я, хорошая восемнадцатилетняя девочка, мужественно справившись с позывом к рвоте, — могу, — и взяла в левую руку атласную розовую пакость, а в правую холодные, прекрасно подогнанные по руке ножницы, и, зажав просвещенным разумом глупую душу, нажала на верхнее кольцо. Головка упала на предметное стекло.

— Молодец, — похвалила теплым голосом Тамара Павловна — вот так ее звали”.

А вот зарисовка из *Зеленого шатра*:

Маленькая и сухая, как блоха, Вера Самуиловна трясла нержавеющей кучерявыми спиралями, вылезающими из

большого пучка на лоб и на щеки, и учила новую лаборантку так, словно знала заранее, какой прекрасный специалист из нее получится. Вера Самуиловна смотрела на пышные Тамарины волосы, на маленькие ловкие пальцы, отмечала ее сметливость – девочка могла бы быть ее дочкой, скорее внучкой... Перед Тамарой открылась новая картина мира: человек представлялся ей теперь марионеткой, управляемой молекулами гормонов, от которых зависел не только рост, аппетит, настроение, но и умственная деятельность, привычки и навязчивые идеи. Главным режиссером всего этого спектакля жизни Вера Самуиловна назначила эпифиз, маленькую, скрытую в глубинах мозга железу. Дивная, загадочная, только посвященным доступная картина! Другие ученые отдавали первенство гипофизу, но в данной сфере право на заблуждение не каралось тюремным заключением.

В рассказе *Туши, туши, где их души...* из сборника *О теле души* повествуется о трудной карьере биолога по имени “Женя”: “В конце шестидесятого года она, не добрав всего один балл на вступительных экзаменах в университет, поступила работать в биологическую лабораторию – набираться жизненного и профессионального опыта, а заодно и получать рабочий стаж, который сильно облегчил бы поступление на биофак в будущем”.

<...>

Вариации на тему данного автобиографического казуса встречаются и в других работах, где личность автора проецируется на литературные персонажи. Тамара, Женя, Наташа – все эти героини “любопытны”, “сметливы”, “находчивы”, способны преодолевать страхи, действовать решительно, и радикально менять траекторию жизни. Отождествлять автора с лирический героем, как мы знаем, негоже, тем не менее какие-то из этих черт вам, наверное, близки.

Вопросы:

ДШ 2а. Приходилось ли вам писать литературные портреты с натуры и, если да, насколько сознателен был этот процесс?

ДШ 2б. Когда художественный образ начинает приобретать черты автопортрета возникает ли желание что-то в нем изменить, подретушировать?

ДШ 2в. Творчество в науке и искусстве соприсродны, а бывает так, что навыки ученого-естествоиспытателя у вас вступают в противоречие с инстинктами художника?

В биографическом дискурсе как правило есть несколько реперных точек. В вашем автобиографическом эссе их несколько: девочка из далекого детства, следующая за ускользающим мячом; детская инсценировка с участием друга жизни Саши Хелемского; двор, где вы защищали право быть самой собой; назревающая высылка евреев на периферию СССР; откровения учительницы по поводу этнических различий; история с гистологической лабораторией с последующим поступлением на биофак; изгнание за самиздат из Института Общей Генетики; десятилетие браков, разводов и рождения сыновей; отдельный пассаж о мужьях; предварительные итоги жизни; преддверие смерти.

Разумеется, этот перечень не исчерпывает знаковых событий жизни Людмилы Улицкой. Ваша литературная деятельность, например, здесь специально не выделена, если не считать отсылку к роману *Казус Кукоцкого*. Не затронуты здесь темы диссидентства, эмиграции, филантропии, постсоветской действительности, и другие сюжеты, описанные в других публикациях, где они развернуты не всегда по одному лекалу. “Начальная точка автобиографии – длинный половик в виде дорожки, по которой я неуверенно и целеустремленно иду вслед за большим мячом, который катится передо мной по направлению к цели, тонконогой конической этажерке с книжками. Сегодня эту первую сохранившуюся в памяти годовалого ребенка картинку можно интерпретировать двояко: можно рассматривать ее как знак будущей писательской биографии, а можно представить ее как могильный памятник, завершение многих удачных жизней людей, избежавших газовой камеры”.

<...>

Ретроспективно восстановленная траектория жизни зависит от контекста, аудитории, особенностей эпохи, авторской задачи, и еще много от чего. Вы могли бы выстроить и другую схему, где доминантами памяти стали бы чтение, музыка, литература, друзья, размолвки, путешествия, романы. Эти грани вашего бытия раскрываются в вашей прозе, непрозе, и беллетристике (не знаю, как лучше перевести на русский английское “fiction” и “nonfiction”). Все ваше творчество подтверждает любопытный факт – современная литература насквозь автобиографична. Вы это и сами подчеркиваете: “Конечно, эта история моей жизни давно уже проросла в разные тексты, которые мне приходилось писать... Но всё, что хотелось мне сказать об этой особенности нашего поколения, я уже написала во множестве рассказов, в романе *Медя и ее дети*, в *Казусе Кукоцкого*... Жизнь перерабатывает материал, из слез, переживаний и трагедий вырастает человеческий опыт. А писатель, глядишь, и напишет что-нибудь...” (*Священный мусор*).

Документы воплощают в себе эпоху, перекочёвывают в литературу, и вновь трансформируются в личные свидетельства. Роль чтения как основополагающей для бытия интеллигента тому пример.

На [Четвертой конференции по русской культуре](#) вы рассказывали о формирующей роли чтения в вашей жизни и проводили аналогию между чтением у людей и импринтингом у животных (см. [видеозапись сессии по автобиографии](#) с 24-ой минуты). В *Казусе*, в *Зеленом шатре*, в рассказах разных лет множество коллизий с книгами и историй о людях, самозабвенно отдавшихся чтению.

<...>

Как исследователя автобиографического дискурса меня здесь прежде всего интересует взаимообусловленность личных документов, литературного творчества, жизненного опыта писателя, и исторических ипостасях эпохи.

Сформулирую несколько вопросов из этого кластера.

ДШ за. Насколько сознательно и целенаправленно вы используете документы – дневники, письма, воспоминания, мемуары – в своей писательской работе?

ДШ зб. Смогли бы вы очертить альтернативную траекторию своей жизни, и если да, то какие повороты судьбы, ключевые эпизоды, и смысловые пласты вы бы тогда выделили?

ДШ зв. Если близкие вам люди узнавали себя в ваших литературных портретах, как они на это реагировали?

Демонстрация на Красной площади 25 августа 1968 года, пожалуй, самое знаковое явление правозащитного движения второй половины 20-го века. “Смеешь выйти на площадь” – постоянный рефрен мемуаров о той поре. В *Священный мусоре* он у вас звучит так: “Я стояла в некотором отдалении и с ужасом наблюдала все перипетии Наташиной биографии, и сердце мое разрывалось от страха за нее, от невозможности принять ее выбор, и от стыда всё-таки – что я не могла, да и совершенно не хотела бы сидеть рядом с ней на Лобном месте. Потому что она была не просто гражданка своей страны, а великая гражданка”.

И еще: “Надо бы выйти на площадь. Но ноги не доходят. Дела, дети. А я вот думаю – может, ну их на фиг? В конце концов, общий-то замысел был не наш, сверху спустили!”

Схожие чувства испытала Маша Слоним: “Сорок пять лет назад “великолепная семерка” вышла на Красную площадь. Протестуя против вторжения советских войск в Чехословакию. Среди участников были мои родственники и друзья. Меня туда не позвали. Я даже не знала, что они затевают эту отчаянную акцию. Я потом думала: вышла бы я тогда на площадь? Скорей всего – нет. У меня был двухлетний сын. А Наташа Горбаневская вышла. С восьмимесячным Осей в коляске! (*Поэтка*)

Ира Максимова: “В 1968 году Наталья родила второго сына – Иосифа... Оске было неполных четыре месяца, когда разразились чехословацкие события. Наталья сразу заявила: этого нельзя проглотить, надо бороться, возмущаться, кричать на весь мир о своем несогласии с политикой Советского Союза. Каюсь, я была в

ужасе – плакала, уговаривала ее промолчать, побережь себя и детей. Но разве можно было ее остановить?”

И у Сергея Ковалева чувствуется амбивалентное отношение к этому судьбоносному событию, хотя он уверен, что вышел бы на площадь, если бы заранее знал о демонстрации: “Очень важное для моей судьбы событие – Чехословакия и суд над демонстрантами на Красной площади. Я попал бы в число демонстрантов, если бы заранее знал. А я не знал... Повторяю, я был бы на Красной площади, если б знал. Но я рад, что там не был. Почему рад? Мне рано было садиться или даже ехать в ссылку.” (*Диссиденты*)

Очень красноречив эпизод с собранием, где вам предстояло голосовать за резолюцию, осуждающую демонстрантов:

А по Москве пошли собрания трудящихся – все дружно осуждали демонстрантов с Красной площади. Кажется, в середине сентября всех сотрудников Института общей генетики Академии наук собрали в большом зале на последнем этаже. И как-то так строго собирали, что не пойти было невозможно. Я села в заднем ряду, возле двери, собираясь выскользнуть перед голосованием. Все сотрудники были удручены предстоящим мероприятием. Официальные люди что-то промямлили, дело шло к голосованию. Я свои возможности хорошо знала – на площадь я выйти не смогла бы, но голосовать – это тоже было за пределом возможной границы. Я встала и направилась к двери, возле которой предусмотрительно села. Потянула дверь – а ее заперли. Вторая дверь находилась возле президиума, и идти к ней надо было через весь зал. Я и протопала через весь замерший зал. Признаться, чувствовала себя ужасно – как голая. Хотя была я раздетая девчонка, на высоких шпильках, которые еще и цокали. Длинный зал. Я иду и думаю: ведь сейчас спросят, куда это я направилась. Даже ответ заготовила – “Поссать!” Но никто меня и не спросил. После этого собрания подошел ко мне молодой доктор Саша Нейфах и стал оправдываться – понимаешь, тебе хорошо, а у меня лаборатория... А потом, через года полтора, меня выгнали. Но не за эту дерзость, а уже за самиздат. Это и был мой самый большой антисоветский подвиг. Я была девица хоть и

наглая, но робкая. Что же касается Александра Нейфаха, он впоследствии подписал письмо в защиту Горбаневской и был исключен из партии... Он-то робким не был. (Поэтка)

Тут множество нюансов, которые хотелось бы обсудить, хотя нет уверенности, что мои вопросы уместны. Но попробую.

ДШ 4а. Покинуть зал на партийном мероприятии такого рода – поступок по тем временам недюжинный, чреватый последствиями. Вы готовы были расстаться с работой в результате вашей мини-демонстрации?

ДШ 4б. Как (бы) вы ответили тем, кто ставил под сомнение разумность Наташиного решения выйти на площадь с трехмесячным ребенком? Были ли у вас с ней разговоры по поводу вашего решения не выходить на площадь и ее отношения к сомнениям по поводу ее выхода на акцию с ребенком?

ДШ 4в. Что значит “А я вот думаю – может, ну их на фиг? В конце концов, общий-то замысел был не наш, сверху спустили!”?

ДШ 4г. “Я свои возможности хорошо знала – на площадь я выйти не смогла бы” – почему нет? Как вы эту нерешительность объясняли себе тогда и как ваша мотивация видится вам сегодня?

У Меня с чехословацкими событиями 1968 года связаны тяжелые воспоминания. Летом того года я был на военных сборах студентов третьекурсников философского факультета ЛГУ. В конце августа наш взвод всю ночь тянул проволоку, устанавливал радиосвязь с какой-то условной военной точкой. Мы едва заснули под утро, и тут же нас разбудили – советские танки вошли в Прагу. Надо полагать это было утро 21 августа, 1968 года.

Разочарование было не только из-за вероломной акции Советского Союза, но и потому что сорвалась поездка студенческой делегации, запланированная на конец августа. Я очень ждал этой поездки. Пражская весна нас всех взбудоражила, много разговоров об этом событии на факультете, казалось, и у нас грядут перемены.

Но после оккупации Чехословакии я мог войти в Прагу только в составе советской военной группировки.

Мое политическое созревание не было стремительным. В памяти остался день смерти Сталина, огромный портрет вождя в детском саду, воспитательницы с обезумевшими глазами, зареванные лица. Ясно было, что умер кто-то очень важный, но кто именно и почему это так непоправимо, я, детсадовец старшей группы, не очень соображал.

В средней школе меня больше интересовали шахматы, пинг-понг, и музыка (я тогда ходил на занятия в Дом композиторов на улице Герцена), но где-то в конце 50-х отголоски политических перемен докатились и до меня. XX-й съезд, реабилитация полит заключенных, уже позже суд над Бродским, Даниелем и Синявским подтолкнули к рефлексии. Мать моя, сотрудница музея Пушкина на Мойке, приносила домой Булгакова, Пастернака, Замятина, еще какой-то самиздат. Помню разговоры со старым большевиком в колхозе на картошке, куда меня определила мать по разнарядке музея Пушкина (кажется его фамилия было "Беркович"). Я слушал, читал, мотал на ус, но ощущение, что все это имеет ко мне прямое отношение возникло только в старших классах. Книгой, произведшей на меня неизгладимое впечатление и окончательно выведшей меня из идеологической спячки, стал *Крутой Маршрут* Евгении Гинзбург.

Осознание собственной политической субъектности и необходимости определиться в отношении советского режима полностью сформировалась в университете, куда я поступил в 1965 году на вечернее отделение (сразу после школы на философский факультет не принимали). Со второго курса перевелся на дневное обучение. В конце учебного года меня познакомили с Игорем Семеновичем Коном, одним из самых видных социологов того времени. Его книги "Социология личности," "В поисках себя", "Психология ранней юности", "Введение в сексологию", "Вкус запретного плода", "Ребенок и общество", "Лики и маски однополой любви" сформировали не одно поколение студентов, а его новомирские и другие статьи – "Психология предрассудка", "Размышления об американской интеллигенции", "Психология

социальной инерции” – были обязательным чтением для либеральной российской интеллигенции.

На последнем курсе моих университетских штудий Игорь Кон и я опубликовали статью в *Вопросах философии* “Д. Г. Мид и проблема человеческого ‘Я’”, по теме моего диплома и будущей кандидатской, и на гонорар (Игорь отдал свою половину мне), я купил в комиссионке коротковолновик фирмы “Сони”. Это одно из самых важных приобретений тех лет, поскольку оно мне обеспечило возможность слушать вражды голоса, не только антисоветские программы, но и музыку, особенно классический джаз. Я тогда жил на Лесном проспекте, д. 37, корпус 4, кв. 650 на пятом этаже, и слышимость передач была приличная, особенно поле того, как я по совету друга проволокой связал приемник с водосточной трубой. Дом этот и мой замечательный двор запечатлены в последнем кадре видео мемуара [Петербург-Ленинград-Петербург](#), выложенного на сайте [Центра демократической культуры](#) (окна моей квартиры в верхнем левом углу кадра).

Помимо Кона на меня оказал влияние Сеня Рогинский, мой сосед по улице Бассейной в Питере. Сенина тогдашняя жена Наташа Фрумкина и сын Боря (Пусик) и моя первая супруга Инна Шкловская и сын Гриша (Гика) вместе снимали дачу в Усть-Нарве. Это было в начале 70-х, до того, как Сеня начал редактировать сборник *Память*. Первый номер вышел в свет в 1976, год спустя после моего отъезда по израильской визе с последующим переселением в США. Вели разговоры среди прочего и о выборе жизненного пути – научная деятельность, сопротивление, эмиграция. Сеня, который был на год старше меня и склонялся к академической работе, не хотел уезжать. Судьба его репрессированного отца довела над его выбором. Я же, защитив в 1973-м кандидатскую в Институте Социологии РАН, настроился уезжать, воспользовавшись редким шансом, дарованным Хельсинскими соглашениями и приездом в Советский Союз Генри Киссинджера. Мне было очевидно, что лазейка эта скоро закроется.

У меня в архиве сохранилось несколько [писем Сени Рогинского](#), написанных им вскоре после отъезда моей семьи в начале августа

1975 года. Грустно сейчас их читать. Понимаешь, что людям нашего круга, оставшимся на родине, могло быть тяжелее, чем убывшим в мир иной.

Мысленно обзревая становление себя как политического субъекта, вижу, что я не был рожден для открытой борьбы с советским режимом. Мне, как и моему университетскому учителю, ближе либеральная полемика, хождение на грани допустимого, и то, что в России называют скользким термином “внутренняя свобода” (она же свобода от ответственности). На Красную площадь я не вышел бы, письма протеста не подписывал, общался с диссидентами и поддерживал их главным образом морально, помогал друзьям студентам, которым грозило отчисление из комсомола за идеологические проколы, благо входил в комитет комсомола факультета (после чехословацких событий меня из него вывели). Участвовал в компании за освобождение Сени Рогинского после его ареста, но уже из безопасного далека.

Я это вот к чему, Люся.

Можно построить континуум, на одном конце которого выход на Красную площадь в августе 1968-го, на другом сознательное участие в деяниях режима, со множеством промежуточных градаций. Пытаюсь понять, где вы находитесь в этом континууме. Вот выдержка из *Священного мусора*, дающая представление, пусть неполное, как вы вписываетесь в данный контекст:

Неразрешимость: осознаваемое постепенно одиночество и непристойность коллективного действия. А в школе – коричневая парность, красноречивость, чувство постоянной неловкости от пафоса и лжи: как повяжешь галстук, береги его, Маяковский лесенкой, с пионерской песенкой, бодро, бодро! Вперед! Вперед! От коммунизма тошнило. Спасала тяга к знанию. В пятом классе – краткий философский словарь, от Анаксагора и далее. История западноевропейской философии. Мусолю. Трудно. Совершенно непонятно. Зато, когда десятилетиями позже к этому возвращаюсь, возникает эффект “припоминания”. Да, еще можно уйти в сторону – детская спортивная школа, там смысл очевиден: секунды, сантиметры... И всё по-честному.

Настолько по-честному, что мне там делать нечего: побеждает сильнейший. Какая жалость – от музыки меня спас туберкулез, рисование не увлекает. Еще не знала, что всякое художество – побег из неволи. Но это знает, может знать только талант, а таланта нисколько... Расстояние от заклинания “Я, юный пионер... торжественно обещаю...” до “Верую во единого Бога Отца Вседержителя...” оказалось гораздо меньшим, чем это представлялось когда-то. Уместно вспомнить древнюю иудейскую молитву *Кол нидре*, которую иудеи читают раз в год, в Судный день, — об освобождении от всех обетов, присяг и клятв, которые человек дает, но исполнить их не в состоянии. Жизнь заканчивается. Умирает человек в одиночестве, не в коллективе. Я точно не юный пионер, хотя клялась... Я не уверена, что в графе “вероисповедание” могла бы поставить без колебания слово “христианка”. Определенно – не атеистка. (*Священный мусор*)

Тут возникает несколько вопросов.

ДШ 5а. Вы давали себе отчет, зачем вступали в пионеры и комсомол (я так понимаю, что до компартии дело не дошло) и оставались в нестройных рядах комсомолии до конца положенного срока?

ДШ 5б. Приходилось ли вам объясняться с вашими более ангажированными товарищами по поводу выбранной позиции, например с Наташей Горбаневской, и как они относились к вашей форме самостояния?

ДШ 5в. Наверняка помимо самиздата и участия в религиозных кружках вы нашли и другие виды сопротивления советской власти – какие именно, если можно вас об этом спросить?

Пора заканчивать мое затянувшееся послание, но есть еще один сюжет, который хотелось бы затронуть. Он касается границ разумного компромисса в Советском Союзе (оставим постсоветский период пока в стороне).

Я опубликовал четыре разговора с Игорем Коном, записанных после распада СССР, где он рассказывает о бесконечном партийном прессинге, выживании в академических институтах, и борьбе с советской бюрократией. [Интервью с Игорем Коном № 1](#) озаглавлено “...Попытки изменить эту систему я предпринимал не раз”, и там множество примеров того, как Игорь боролся с системой – писал записку Суслову о необходимости борьбы с антисемитизмом, участвовал в подготовке несостоявшегося пленума ЦК по социально-политическим реформам, откликнулся на просьбы редакторов *Известий* и *Молодого коммуниста* написать о конформизме и национальных предрассудках, сотрудничал с *Новым миром* и Твардовским, взаимодействовал с интеллектуалами мозгового центра Юрия Арбатова (обратите внимание на попытки Андропова переманить Бовина, Бурлацкого и других интеллектуалов в КГБ и об их отказе от сотрудничества).

В другом интервью, в заголовок которого я вывел слова Игоря “...После моей смерти ты можешь это напечатать”, он повествует о своих отношениях с КГБ, в частности с Юрием Поповым, куратором дела Бродского, который советовался с Игорем по разным идеологическим вопросам. Там же он вспоминает как спасал советский рок-н-ролл от нападков Лигачева и компании, за что его благодарил Троицкий и российские рокеры ([Интервью с Игорем Коном № 2](#)).

Еще одно интервью вышло под заголовком *Если бы меня в начале 1960-х куда-нибудь выпустили, я бы точно не вернулся*. Здесь Игорь рассказывает, почему не хотел уезжать, как его в конце концов достал ленинградский обком и он стал искать пути в эмиграцию, говорит о его тяжелой депрессии и мыслях о самоубийстве, о значении примера Сахарова и Солженицына для людей вроде Кона, не решавшихся выйти на площадь ([Интервью с Игорем Коном № 3](#)).

Для заголовка следующего интервью я подобрал длинную цитату из нашего последнего диалога с Игорем – “...Я мог бы написать свою биографию в ключе жертвы режима, в ключе успешного карьериста, в ключе таланта, который не полностью расцвел в данной системе, и посредственности, которая реализовала себя на

максимуме”. Тут аннотация не нужна, название говорит за себя (Интервью с Игорем Коном № 4).

Приведу лишь одну цитату, исходной точке последней серии вопросов:

Понимаешь, тут все зависит от перспективы. Если принять точку зрения, что это империя зла, что она ни к чему не способна, тогда никакого различия здесь делать не надо. Я тебе говорил, что слова могли быть хорошие в подготовительных документах, а дело от этого мало зависело, но это не так. Я думаю, что это неправильная позиция, потому что для того, чтобы появился Горбачев, — а без Горбачева мы бы с тобой здесь не разговаривали, — [нужны] были целые поколения людей, которые все-таки что-то делали, меняли слова и так далее. Огромную роль сыграли Арбатов и Иноземцев в этом деле. Я маленький человек, от меня ничего не зависело, и все мои справки – случайные вещи, факты моей биографии, которые не имели никакого отношения к биографии советской власти и партии. А вот Арбатов и Иноземцев сделали громадное дело. Они имели дело не просто с маленькими помощниками, а с членами Политбюро и генсеком. Они приучили их к тому, чтобы получать неприятные письма, письма с неприятными цифрами. Ведь вся информация, которая шла по многим каналам, фильтровалась на каждом этапе. Начальство привыкло получать то, что оно хочет слышать, хотя внизу все знали, что это неверно. Безотносительно к уровню маразма начальства, оно не имело объективной информации. Арбатов с Иноземцевым, имея институты, эту практику изменили... Сейчас модно ругать Арбатова, говорить, что он такой-сякой, но, во-первых, Арбатов был советским вариантом – ну, поменьше, поскольку условия не те, — доктора Киссинджера. Брежневскую разрядку с нашей стороны делал Арбатов. Был детант, и то, что он сорвался, вина не Арбатова. Попытка была. Я помню, как я пришел в ЦК, у меня были приятели в международном отделе, они качали головами и говорили: “Юрка сделал очень рискованный шаг, и это чревато большими неприятностями. <...> Он подал Брежневу докладную, минуя отделы ЦК. Теперь его ненавидят все

отделы ЦК. Это нарушение аппаратных правил”. Арбатов человек аппаратный, он прекрасно знает правила. Почему он это сделал, понятно: через отделы никакая серьезная информация не пройдет, ее всю просеют. Но он передал это наверх. Непосредственная опасность состоит в том, что эта информация не понравится и тебя сразу снимут с работы.

ДШ ба. Как вам видится эта логика – реформы не происходят сами собой в государстве тоталитарного типа, здесь требуется давление с разных сторон, включая аппаратчиков, номенклатурных работников, и ученых?

ДШ бб. Приходилось ли вам лично сталкиваться с чиновниками либерального толка, интеллектуалами и учеными, считавшими необходимым культивировать связи в верхах и пробивать реформы изнутри?

ДШ бв. Правильнее было бы Кону отказаться разговаривать с гебешниками и партийной номенклатурой и уйти в оппозицию?

Люся, я делаю интернетные странички, где размещены биографические материалы, фотографии, документы, и публикации участников Невадской конференции по российской культуре. Посмотрите страницы [Миши Эпштейна](#), [Вадика Паперного](#), [Сергея Юрьенена](#), [Александра Гениса](#), [Евгении Гутман-Шалиной](#) – может быть и вам стоит завести что-то в этом роде? Страничку не обязательно выкладывать на общее обозрение, ее можно оставить закрытой, доступной только вам и мне. Я подумал, что и мне пора завести [страничку Д. Шалина](#) на сайте ЦДК, куда можно выкладывать какие-то документальные материалы из нашего диалога.

Дайте знать, что вы думаете о такой возможности. И, пожалуйста, подтвердите получение этого послания.

Ваш, Дима

19.04.21

Дима, спасибо! Вы дали мне работу на день, а то и на несколько дней. Вчера вечером я сказала мужу: никогда в жизни не работала “под заказ”, а сейчас хочется получить какое-то задание! Вот я его и получила! Заказ выполню! Ваша Л.

19.04.21

Дорогой Дима! Одна мысль, которая меня очень занимает: текст – единственное, что сохраняется, будь то текст биологический и текст “второго порядка” – тот, который производит человек.

Отвечаю вам с удовольствием. Признаюсь, что среди журналистов, которым даю интервью (заканчиваю с этим жанром!), не так много хороших собеседников. А я очень ценю собеседников, потому что именно в общении с хорошими собеседниками уточняются мысли и формулировки.

Первое: мне, конечно, дико льстит, что вы проводите параллели с Набоковым. Набоков гений. Я определяю гения как человека, который способен расширить наше видение мира и раздвинуть границы нашего понимания самого себя. Уходя, гений оставляет после себя мир больший, чем тот, в который он вошел. Ко мне это отношения не имеет. Именно исходя из того, что каждый человек несет в себе по четверти генов от дедов, и так далее до более далеких предков, человеческое “Я” представляется мне непостижимой загадкой и, возможно, иллюзией. Но каким-то образом это “Я” связано с качествами, которые нам даны от природы. нравятся они нам или не нравятся, вопрос другой и тоже занятый. Попробую ответить на ваши вопросы.

ДШ 1а. От кого из ваших предков вы унаследовали эмоциональный настрой, свойства характера, чувственность?

ЛУ. Эмоциональный настрой у меня нестабильный. Вероятно, в бабушку Марию Петровну. От нее же и некоторый артистизм. Свойства характера мои собственные, какие-то черты прослеживаю – чувство долга от бабушки Елены Марковны, практицизм (имеющийся и вполне подавленный) от деда Бориса Ефимовича, религиозную составляющую, довольно рано проснувшуюся, от прадеда, которого помню с Торой в руках. Склонность к хвастовству и всякого рода показухе (которую я, как

мне кажется, изжила) – от отца. Как он был горд, когда купил старенького горбатого “Москвича” и сел за руль собственного автомобиля. Точно так же и я была полна гордости и самоуважения, когда отец подарил мне своего старого уже “Жигуля” и я в 45 лет впервые села за руль. Эмоциональную категоричность – так мы заменим не вполне удачное слово “чувственность” – от мамы. Когда она встретила в сорок лет человека, которого полюбила, весь мир для нее перестал существовать и сосредоточился на любимом человеке. Я не так одарена этой способностью раствориться в другом человеке, но вполне могу это понять.

Самым близким по складу мне представляется дед Яков Улицкий, которого я видела один раз в жизни, когда он из заключения ехал через Москву в ссылку. Подлинное знакомство произошло много лет спустя после его смерти – уже при чтении его писем и дневников. Он, безусловно, самый близкий мне из всех моих предков.

ДШ 1б. Сохранились ли документы и достоверные факты, указывающие на семейное сходство такого рода?

ЛУ. Да, именно эти записи моего деда Якова.

ДШ 1в. И какие ваши черты не имеют очевидного прототипа?

ЛУ. Откровенно говоря, я не любитель самоанализа. Более того, считаю его занятием не полезным, скорее разрушительным. Не могу ответить на этот вопрос.

ДШ 2а. Приходилось ли вам писать литературные портреты с натуры и, если да, насколько сознателен был этот процесс?

ЛУ. Стараюсь этого избегать. Но иногда просвечивают эти портреты или полу-портреты. Пожалуй, однажды в моей практике я не “шифровала” героя – речь идет о романе *Даниэль Штайн, переводчик*. За спиной брата Даниэля стоит великий брат Руфайзен, еврей, католик, монах и главный, как я думаю, экуменист мира.

ДШ 2б. Когда художественный образ начинает приобретать черты автопортрета возникает ли желание что-то в нем изменить, подретушировать?

ЛУ. Нет. Я так могу увлечься, что черты сходства обнаруживаю только после публикации. Но это очень редко случается. Хотя бывали случаи, когда рассказы мне просто жизнь надиктовывала – как это было в случае рассказа *Дракон и феникс*. И я не особо трудилась, чтобы скрыть героев. Кажется, никаких претензий по этому поводу я не получала. А что касается романа *Казус Кукоцкого*, то Ирина Павловна Уварова, которая много рассказывала мне о своем отчине Павле Алексеевиче Гузикове, и многие ее рассказы вошли в авторском (моем!) исполнении в роман, то она была рада, что ее любимый отчим присутствует там в таком “невидимом” виде.

ДШ 2в. Творчество в науке и искусстве сопряжены, а бывает так, что навыки ученого-естествоиспытателя у вас вступают в противоречие с инстинктами художника?

ЛУ. Мне кажется, никаких противоречий такого рода я не испытывала. Это вполне сплавилось.

ДШ 3а. Насколько сознательно и целенаправленно вы используете документы – дневники, письма, воспоминания, мемуары – в своей писательской работе?

ЛУ. Совершенно сознательно. Текст – основа нашей жизни. Даже когда использование чужого текста бессознательно, это значит, что так или иначе цитируемый текст вошел уже в ваше “хранилище”, и он стал вашим. Разве мы всегда можем отделить наши личные открытия от той культурной основы, которую закладывает образование, жизненным опытом и воспитанием?

ДШ 3б. Смогли бы вы очертить альтернативную траекторию вашей жизни, и если да, то какие повороты судьбы, ключевые эпизоды, и смысловые пласты вы бы тогда выделили?

ЛУ. Таких поворотных моментов было, пожалуй, несколько, когда была возможность (скорее всего, иллюзорная!) развернуть жизнь

каким-то иным образом. Был дважды соблазн уехать из России. Первый раз – мой второй муж засобирился, но тогда не уехал, а потом мы развелись. Второй раз – получила предложение выйти замуж от одного прекраснейшего человека, живущего между Америкой и Францией, немного поколебалась и отказалась. Если бы тогда уехала, работала бы в лаборатории, в лучшем случае, в научной, в худшем – делала бы анализы крови в больнице. Это входило в мои профессиональные знания и умения. Писателем вряд ли стала бы. Но как вариант жизненный – чем плохо?

ДШ зв. Если близкие вам люди узнавали себя в ваших литературных портретах, как они на это реагировали?

ЛУ. Никаких конфликтов по этому поводу не было. Я так люблю моих друзей, что если кто-то (или тень кого-то) в каком-то виде попадают в мои тексты, мне кажется, там нет ничего такого, что могло бы обидеть, оскорбить или раздражить. Словом, пока претензий не было. Но, с другой стороны, я все-таки избегаю портретирования.

<...>

4.23.21

Дорогой Дима! Все открылось! Получила большое удовольствие от вашего письма. Ох, жизнь коротка! Три опечатки нашла (простите за вьедливость!) “раствориться”, “хранилище”, “иным”. Относительно “моей” страницы, я подумую. С одной стороны, заманчиво, с другой – что-то останавливает, кроме ощущения, что времени у меня вообще-то мало осталось. А с третьей стороны, если такая имеется, у меня все написано про моих предков, которым благодарна. То есть тексты-то готовы. Я теперь в семье самая старшая, и на финишной прямой.

Что же касается нашей переписки, все в порядке. Мне было очень приятно с вами поговорить!

Ваша Л.У

23.04.21

Люся,

Я вычитал сводный текст нашей переписки, исправил опечатки, проверил гиперлинки, добавил ваши ответы на мои вопросы, и пересылаю вам файл в формате ПДФ и Ворд.

Обратите внимание, что я пронумеровал свои вопросы и ваши ответы с тем, чтобы было легче найти контекст, в котором был задан вопрос. Мои вопросы обозначены как ДШ 1а, ДШ 1б, и т. д. Инициалы ЛУ предваряют ваши ответы. Если у вас возникнут вопросы ко мне, их можно будет обозначить как ЛУ 1а, ЛУ 1б и т. д.

Я так же значительно расширил свою страничку на сайте ЦДК, добавив туда фотографии своих предков и родственников, и собираюсь выложить там какие-то документы (например, письма Рогинского). Страница эта не вывешена в интернете и доступна только вам и мне <...>.

Мне бы хотелось сделать аналогичную страницу для вас, ваших предков, и родственников. Там же можно разместить какие-то документы.

Ваш, Дима

23.04.21
Люся,

<...>

Спасибо за наводку на опечатки. Мои орфографические навыки, как и разговорные, продолжают хиреть. Удивляться нечему, поскольку годами не приходится говорить по-русски.

Я нашел аудио интервью с мамой и ее братом и хочу их выложить на своей странице. Еще можно было бы туда добавить переписку с Игорем Коном, Владимиром Ядовым, Сеней Рогинским, Даней Дондуреем, Львом Щегловым, моей мамой...

Вам решать, имеет ли смысл делать страничку в интернете. Туда можно было бы добавить материалы, упомянутые в наших разговорах, по крайней мере уже обработанные. Может быть, кто-то из ваших детей поможет сканировать и переслать фото и другие

документы. А я туда смогу выложить сноски на ваши книги, статьи и интервью.

Вы пишете “Мне было очень приятно с вами поговорить!”
Надеюсь, наш разговор еще не закончен.

Дима

23.04.21

ДОРОГОЙ ДИМА! Я подумала чуток и поняла, что ваше предложение мне нравится. Это тема памяти – если мы отказываемся добровольно от сохранения памяти о своих предках, то совершаем грех. (При всем моем сложном отношении к этой теме.) Я сделаю такую страничку, с фотографиями. Но не прямо сейчас. Закончу московские дела, поеду в Италию, и там на свободе... Часть текстов у меня уже есть. В общем, чем бы наш разговор ни кончился, для меня это прекрасный повод сделать то, что на самом деле обязан сделать каждый человек. Много лет тому назад (пятьдесят!) я была в экспедиции в Средней Азии, и один старик, сын муллы, сказал мне: “У нас, если человек не знает семи поколений своих предков поименно, он безродный бродяга. А вы, русские, и дедов своих не помните...” с презрением сказал, и я это хорошо запомнила! Л

23.04.21

Прекрасно, Люся!

К сожалению, я останусь безродным бродягой, поскольку своих предков знаю лишь до третьего (четвертого?) колена. Постараемся сохранить для потомства, то, что осталось в памяти.

Дима

1.05.21

Доброе утро, Люся.

Я сделал макет [автобиографической страницы Л. Улицкой](#) на сайте ЦДК. Туда я выложил ваши фотографии из числа тех, что мне особенно приглянулись, а также привел ссылки на ваши

литературные и прочие труды. Посмотрите, как выглядит эта страница <...>

Юлия Добровольская прислала мне небольшой текст, где рассказывается, какой вы хороший писатель и как у вас много наград. Все правильно, но для автобиографического сайта это вряд ли подходит. Во вводном параграфе на сайте я перечислил главные вехи вашего жизненного пути, после чего воспроизвел первые две страницы из *Священного мусора*. Их лучше заменить на другой текст от первого лица, когда и если у вас появится возможность это сделать.

В конце введения я привязал вашу страницу к своей, указав на наши автобиографические диалоги. В конце секции с фотоматериалами вы найдете сноски на ваши книги, статьи и интервью, кои я разыскал по интернету. Продолжаю их искать и буду выкладывать на вашей автобио странице по мере сил.

Мне хотелось бы составить возможно более полную библиографию ваших работ со всеми техническими деталями и во всех жанрах – романы, повести, рассказы, пьесы, статьи, интервью, выступления, и т. д. Большинству пользователей такого рода информация не нужна, им достаточно того, что я уже выложил на сайте. Но я по опыту знаю, как ценится исследователями полноценная библиография и иконография. Не знаю, есть ли у вас сводный список ваших публичных выступлений/работ. Если нет, может быть, кто-то из ваших знакомых поможет его составить.

Когда появится время, перешлите мне письма ваших предков, что-то из ваших дневников и записных книжек – все что вы сочтете возможным выложить на своей странице. Там не хватает семейных фотографий, ваших собственных фото разных лет. Подумайте, что можно было бы разместить на этой странице.

Пожалуйста, проверьте выложенные мной фотоматериалы. Возможно, что-то оттуда нужно убрать, исправить даты, добавить информацию о месте, времени и персонах на картинке.

Все на ваше усмотрение. Жду указаний.

Ваш, Дима

П.С. Я порылся в своих и маминых архивах и нашел много интересных документов, которые имеет смысл оцифровать и разместить на моей странице.

1.05.21

Дима! Огромная Работа! Я поражена! Есть неточности. Потихоньку буду исправлять.

© Ludmila Ulitskaya, all rights reserved. Published by arrangement with ELKOST International literary agency, Barcelona, Spain.